

Бенда Владимир Николаевич

К ВОПРОСУ О ВКЛАДЕ РОССИЙСКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РАЗВИТИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ И ИНЖЕНЕРНОЙ НАУКИ В КОНЦЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В

В статье анализируется организация учебно-воспитательного процесса в военно-специальных артиллерийских и инженерных школах, а также в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, действовавших в России в конце первой половины XVIII столетия и находившихся под общим управлением генерал-фельдцейхмейстера В. А. Репнина. Основное внимание автор акцентирует на роли вышеуказанных военно-учебных заведений в обеспечении русской армии квалифицированными артиллерийскими и инженерными кадрами, имеющими основательную теоретическую подготовку в области артиллерийской и инженерной науки. Также вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные источники.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/4/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (94). С. 45-51. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(47).065

Исторические науки и археология

В статье анализируется организация учебно-воспитательного процесса в военно-специальных артиллерийских и инженерных школах, а также в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, действовавших в России в конце первой половины XVIII столетия и находившихся под общим управлением генерал-фельдцейхмейстера В. А. Репнина. Основное внимание автор акцентирует на роли вышеуказанных военно-учебных заведений в обеспечении русской армии квалифицированными артиллерийскими и инженерными кадрами, имеющими основательную теоретическую подготовку в области артиллерийской и инженерной науки. Также вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные источники.

Ключевые слова и фразы: первая половина XVIII в.; артиллерийская и инженерная наука; артиллерийские и инженерные кадры; военно-учебные заведения; учебно-воспитательный процесс; социальный состав военно-учебных заведений; генерал-фельдцейхмейстер В. А. Репнин.

Бенда Владимир Николаевич, к.и.н., доцент

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

bvn.1962@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВКЛАДЕ РОССИЙСКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РАЗВИТИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ И ИНЖЕНЕРНОЙ НАУКИ В КОНЦЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. ©

В одной из наших предыдущих работ мы уже писали о том, что российское государство в первой половине XVIII в. испытывало острый дефицит в квалифицированных инженерных кадрах, способных организовать подготовку и руководить выполнением инженерных работ как военного, так и гражданского назначения [3]. Попытки разрешения этой проблемы предпринимались на протяжении всей второй четверти XVIII в., в т.ч. генерал-фельдцейхмейстером и главным директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса принцем Гессен-Гомбургским. 20 марта 1745 г. Гессен-Гомбургским в Правительствующий Сенат было подано соответствующее ходатайство о принятии мер, способствовавших разрешению проблемы дефицита инженерных кадров. На основании обращения Гессен-Гомбургского был издан Сенатский указ, которым предписывалось вместо инженерных офицеров, состоящих в штате инженерного корпуса, для выполнения инженерных работ, не связанных с Канцелярией главной артиллерии и фортификации (КГАиФ), т.е. с инженерными работами в военной области, использовать армейских офицеров, окончивших Сухопутный шляхетный кадетский корпус, изучавших там инженерное дело и проходивших службу вблизи района или места выполнения тех или иных инженерных работ [14, с. 348; 16, кн. 464, л. 409 – 419 об.]. В Сенат был подан именной список по годам выпускников Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, которые обучались фортификации. В период с 1736 по 1743 гг. всего таких выпускников оказалось 229 человек [2, д. 422, л. 15-19].

Но полностью проблему нехватки квалифицированных инженерных кадров разрешить не удалось. Об этом свидетельствует Сенатский указ от 7 мая 1745 г. [14, с. 374-377]. В Указе сказано, что из-за недостатка инженеров для учета прихода и расхода различных материалов для строительства и ремонта крепостей и укрепленных пунктов разрешалось использовать офицеров гарнизонных полков. Здесь указано, что по состоянию на май 1745 г. в инженерном корпусе *числилось только 56 обер-офицеров*, в то время когда *в штате* Остзейских и других крепостей *числилось 36 крепостей*, которые необходимо было поддерживать в состоянии, обеспечивающем их оборону и защиту от атак неприятеля. Ко всему этому необходимо было добавить крепости, вновь завоеванные в Финляндии, требующие проведения в них необходимых инженерных работ [Там же, с. 377].

Другой Сенатский указ от 19 ноября 1746 г. разрешал по требованиям губернских и гарнизонных канцелярий для составления смет и планов «казенных строений» *использовать офицеров из расположенных поблизости полков, которые прошли обучение в кадетском корпусе, или самостоятельно изучивших инженерную науку при полках*, т.к. кадровых инженерных офицеров не хватало [Там же, с. 628-629].

Очередная попытка разрешения этой проблемы была предпринята в ноябре 1746 г., уже после смерти Гессен-Гомбургского. 19 ноября 1746 г. Сенат определил, что в первую очередь для выполнения инженерных работ различного назначения необходимо привлекать штатных инженерных офицеров и кондукторов, а при отсутствии таких поблизости – использовать офицеров из вблизи расположенных полков, окончивших Сухопутный шляхетный кадетский корпус и обучавшихся инженерной науке, или офицеров, самостоятельно изучавших инженерную науку при полках [Там же]. Для решения инженерных задач также напрямую привлекались и кадеты Сухопутного кадетского корпуса. Так, например, в 1746 г. 38 кадет корпуса были откомандированы для оказания помощи в межевании земель в Ингерманландии [11, с. 22; 14, с. 610].

Напомним, что военно-учебными заведениями, в которых велась подготовка инженерных кадров в 30-40-е гг. XVIII в., были упомянутый выше Сухопутный шляхетный кадетский корпус, а также Санкт-Петербургская и Московская инженерные школы, последняя из которых возобновила свою деятельность в

1743 г. Возобновление деятельности Московской инженерной школы нами рассматривалось в предыдущих наших работах [6].

Нельзя сказать, что государственные и военные органы управления в 30-40-е годы XVIII в. не предпринимали никаких действий по разрешению проблемы дефицита инженерных кадров.

Так, например, в военно-специальных инженерных заведениях, в которых велась подготовка инженерных кадров, в 30-е – 40-е гг. увеличивался штат инженерных учеников, как это произошло в 1730 г., когда тогдашнему генерал-фельдцейхмейстеру и начальнику инженерного корпуса Б. Х. Миниху Правительствующим Сенатом было разрешено увеличить количество учеников в Санкт-Петербургской инженерной школе до 75-ти и содержать сверхштатное количество учеников за счет «...суммы положенной на содержание и починку крепостей» в размере 390 р. на год [18, д. 37, л. 3 об.]. Но эта мера не помогла кардинально улучшить ситуацию с инженерными кадрами, и 26 февраля 1741 г. Б. Х. Миних предложил еще более увеличить количество учеников Санкт-Петербургской инженерной школы и «...содержать сверх комплекта на остаточной от неполного комплекта кондукторов сумме» [Там же]. Однако увеличить штат учеников инженерной школы в 1741 г. не представилось возможным из-за того, что в инженерную школу «...тех учеников являлось самое малое число» [Там же].

После отставки графа Миниха в 1741 г. обер-директором над фортификациями был назначен принц Гессен-Гомбургский [2, д. 112, л. 14]. Период его управления инженерным ведомством не ознаменовался никакими значительными переменами в состоянии школы. Принц Гессен-Гомбургский относился более благосклонно к Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу, чем к Санкт-Петербургской инженерной школе. Известно его распоряжение, что офицеры, выпущенные из кадетского корпуса не только в инженеры, но даже в армию, признаются способными к исполнению фортификационных работ. «Они будучи в Корпусе, фортификации достаточно обучены» [15, кн. 396, л. 536-540].

Деятельность Санкт-Петербургской и Московской военно-специальных инженерных школ неоднократно рассматривалась в наших работах, опубликованных ранее [4; 5; 7; 8]. Для более ясного и полного представления сути проблемы рассмотрим положение дел в Санкт-Петербургской инженерной школе, сложившееся в преддверии назначения В. А. Репнина начальником инженерного корпуса, в подчинении которого находились и военно-специальные инженерные школы.

Штат Санкт-Петербургской инженерной школы по состоянию на 2 декабря 1744 г. был следующим: капитан – 1, рисовальных мастеров – 2, кондукторов – 2, учеников – 214 (из них 75 в комплекте и 139 сверх комплекта) [2, д. 531, л. 5 об. – 6]. Нужно заметить, что в течение года число сверхкомплектных учеников увеличилось на 33 человека, т.к. по состоянию на 15 января 1744 г. число сверхкомплектных учеников в инженерной школе было 106 [Там же, л. 48 об. – 49].

Уверенно можно говорить о том, что организация учебно-воспитательного процесса в Санкт-Петербургской инженерной школе в это время была далека от установленных правил и порядка. В 1744 г., вместо КГАиФ, временно переведенной в Москву, в Санкт-Петербурге оставалась только контора этой канцелярии. Штат конторы составляли совершенно новые лица, которые ранее не имели никаких официальных отношений с инженерной школой. Поэтому они более пристально стали вникать в ее дела. В результате стало очевидным, что инженерная школа не соблюдает установленный для нее порядок организации учебного и воспитательного процесса.

В соответствии с установленными правилами, надзор за добросовестным изучением в школе наук учениками, переводами их из класса в класс должен был осуществлять учитель, назначаемый главным руководством инженерного корпуса. Однако, после такого назначения на должность школьного учителя, *он формально превращался в начальника школы* и поэтому не мог постоянно наблюдать за точным соблюдением порядков, заведенных в школе. А проведение занятий со школьниками, как правило, возлагалось на кондукторов, числившихся в штате школы. К выполнению своих обязанностей в качестве учителей кондукторы относились халатно и недобросовестно. Об этом можно судить по примеру, описанному Н. Л. Ломаном в своей работе [13, с. 32]. Однажды один из членов фортификационной конторы потребовал к себе для получения каких-то указаний кого-либо из кондукторов или капралов, числящихся в инженерной школе. Но оказалось, что в школе никого не было, а все ученики были отпущены из школы, несмотря на то, что это происходило примерно в 10 часов утра. В соответствии с установленным распорядком дня, *занятия в школе должны были проводиться с шести часов утра до двенадцати дня*. Из этого случая контора сделала вывод о том, что «...ученики в школу приходят и уходят по своей воле и смотрения над ними нет» [Там же].

Контора, вникнув в положение дел, сложившееся в инженерной школе, стала настоятельно требовать строгого исполнения школой правил. Например, усмотрев в 1744 г., что в обучении школьников математике не было необходимой последовательности, как это было заведено в школе ранее, на объяснение инженер-поручика Де Марина (*назначен начальником Санкт-Петербургской инженерной школы в конце 30-х гг. XVIII в. – В. Б.*), «...что при его назначении в Школу всей математике сплошь обучали, а когда такой порядок заведен – ему неизвестно», контора предписала: «...обучать постепенно, сперва арифметике, по порядку до окончания, а потом уже зачинать геометрию и после нее тригонометрию, а в заключение всего учить фортификацию» [Там же, с. 39].

В этом же году конторой также было поставлено на вид учителю школы, что ученикам часто предоставляется отпуска домой и на продолжительное время. Анализируя причины, на основании которых

предоставлялись эти отпуска, контора пришла к выводу, что они не вызывают доверия и не определяют те значительные сроки, на которые могли быть разрешены отпуска.

Другим характерным примером в этом плане являются результаты рассмотрения конторой представлений от школы об исключении из числа школьников неспособных и ленивых учеников. Контора возвращала таких учеников в школу, особенно если они оказывались малолетними, с таким объяснением, что в школе «...над учениками прилежного смотрения и должного старания и принуждения к наукам не имеется, что видя, ученики к науке рачения и страху иметь не могут и только время провождают втуне, получая жалованье напрасно» [Там же, с. 20-21].

Нужно заметить, что разница в результатах обучения и возрасте школьников, проходивших обучение в Санкт-Петербургской инженерной школе, была существенной. Например, в 1747 г. из второго класса школы в первый (*последний класс обучения перед выпуском из школы – В. Б.*) был переведен **Василен Постежкин, которому было 11 лет, а в школу он поступил 21 июня 1746 г.** Его аттестация при переводе была следующей: «Арифметику и геометрию обучил. Фортификацию зачал. Чертит, а в рисовании ландшафты штафирует» [2, д. 944, л. 2]. Вместе с ним в первый класс был переведен также и **Василий Железников, которому было 25 лет, и в школе он проходил обучение с 25 июня 1744 г.** Его аттестация гласила, что: «Арифметику и геометрию обучил. А в рисовании ландшафты красками малое» [Там же].

Скажем также, что такая разница в возрасте и способностях учеников военно-специальных школ была типичной для того времени, что, конечно же, в какой-то степени затрудняло нормальную организацию учебного процесса. В частности, наряду с другими предметами обучения в школе, в программу Санкт-Петербургской инженерной школы входило изучение воинской экзерциции (*элементы военной и строевой подготовки – В. Б.*). Дисциплина эта для будущих инженеров была отнюдь не главная, поэтому переданные школе оружейные и амуничные вещи обновлялись редко и, как правило, продолжали службу до полного износа. Еще в 1731 г. инженерная школа получила с Оружейного двора 60 (*по числу учеников – В. Б.*) малокалиберных драгунских фузей со штыками. Через несколько лет их использования они стали совсем непригодными для применения в учебном процессе, к тому же, как показал опыт, их нельзя было использовать в процессе военной подготовки (*экзерциии – В. Б.*) из-за того, что **некоторые малолетние ученики просто-напросто не могли их поднять.**

Лишь в 1746 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала изготовить ученикам Московской и Санкт-Петербургской инженерных школ 225 новых фузей со штыками «калибром и маниром во всё сходные против имеющихся в Кадетском корпусе» [18, д. 110, л. 132-133]. 150 таких ружей, сделанных мастерами тульских заводов, ученики Санкт-Петербургской инженерной школы получили в конце 1748 г. [Там же, д. 154, л. 8].

Был сделан ряд и других представлений начальнику по улучшению деятельности инженерной школы. Как правило, в большей степени распоряжения конторы касались доведения до сведения руководства школы выявленных в школе недостатков, а не указаний и рекомендаций по улучшению ее деятельности.

За время нахождения Санкт-Петербургской инженерной школы в подчинении генерал-фельдцейхмейстера В. А. Репнина в ней не произошло каких-либо существенных перемен, кроме того, что инженер-поручик де Марин, достигший к тому времени майорского чина, оставил учительскую должность, а вместо него был назначен поручик Леман. Вскоре (*в 1746 г. – В. Б.*) вместо Лемана учителем в инженерную школу был назначен подпоручик Минау, а в 1749 г. вместо Минау учителем в школу был назначен прапорщик М. И. Мордвинов – будущий первый директор Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса.

Завершая тему подготовки инженерных кадров, которых, как говорилось выше, все время не хватало, отметим тот факт, что одним из способов пополнения инженерного корпуса квалифицированными кадрами было пополнение за счет **армейских офицеров, самостоятельно изучивших курс инженерной подготовки и пожелавших продолжать службу в инженерном корпусе.** Что касается проверки знаний у офицеров, самостоятельно изучивших инженерную науку, то указами из Военной коллегии предписывалось проводить соответствующие экзамены в инженерном ведомстве. Причем это касалось не только изъявивших желание поступить на службу в инженерный корпус офицерами или кондукторами, но и сержантов армейских полков, которые представлялись к производству в офицерский чин. Во всех таких случаях к прошениям, подаваемым на высочайшее имя, прилагались аттестаты, подписанные инженерными офицерами, входившими в состав экзаменационной комиссии, проводившей соответствующие экзамены [19, с. 94-95].

Нами изучены любопытные архивные источники, относящиеся к вопросу **распространения теоретических знаний в области инженерного дела среди артиллерийского и инженерного офицерского и унтер-офицерского состава,** находившегося под командованием В. А. Репнина.

В июне 1746 г. генерал-фельдцейхмейстеру и главному директору Сухопутного шляхетного кадетского корпуса В. А. Репнину Президентом Академии наук графом К. Разумовским было направлено письмо, в котором последний писал, что, по требованию покойного генерал-фельдцейхмейстера принца Гессен-Гомбургского и по заявкам из канцелярии кадетского корпуса 1742 и 1743 гг., «...напечатано при академии казенным изданием **Вобанова книга об атаке и обороне крепостей 1100 экземпляров...**». Стоимость одного экземпляра такой книги составила 3 р. 50 к. В письме также сообщалось, что, хотя кадетская канцелярия своими обещаниями обнадеживала Академию наук тем, что кадетский корпус для использования в учебном процессе закупит значительное количество указанной книги, но до настоящего времени

Сухопутный кадетский корпус ни одной книги не закупил. Более того, по мнению Президента Академии наук графа К. Разумовского, «книга Вобана» была бы чрезвычайно полезна инженерному и артиллерийскому корпусам [2, д. 909, л. 147 – 147 об.]. Но и эти корпуса не изъявили желания закупить для внутреннего использования так называемую «Вобанову книгу». В связи с тем, что гражданское население такую книгу не покупает, а она в большей степени нужна «...знающим фортификаторам и артиллеристам», а также для восполнения казенного капитала Академии наук в размере 4000 р., потраченного на печатание данной книги, граф К. Разумовский обращался к князю В. Репнину с просьбой о том, чтобы тот приказал всем командам, подчиненным ему, находящиеся в Академии наук экземпляры «Вобановой книги» выкупить по объявленной цене, т.е. по 3 р. 50 к., и использовать по своему усмотрению [Там же, л. 147 об.].

По всей видимости, обращение Разумовского к Репнину не возымело должного результата, и уже 30 декабря 1746 г. последовал сенатский указ, в т.ч. и в КГАиФ, с приказом КГАиФ взять в Академии наук «Книги о атаке и обороне крепостей» в количестве, соответствующем числу состоящих в артиллерии и фортификации штаб- и обер-офицеров и кондукторов, и раздать их каждому по одной. Этим же указом предписывалось за каждый экземпляр книги вычитать по 3 р. 50 к. из жалования вышеуказанных должностных лиц и отправлять их в канцелярию Академии наук [Там же, д. 944, л. 1]. В рапорте КГАиФ генерал-фельдцейхмейстеру В. А. Репнину от 5 декабря 1747 г. сообщалось, что, в соответствии с сенатским указом, «Книги о атаке и обороне крепостей» получены в нужном количестве и розданы артиллерийским и инженерным штаб-, обер- и унтер-офицерам. Также сообщалось, что практически у всех офицеров, получивших указанную книгу, из жалования вычтена необходимая сумма, которая направлена в канцелярию Академии наук [Там же, л. 1 об.].

Далее рассмотрим деятельность Санкт-Петербургской артиллерийской (чертежной) школы, готовившей кадры для артиллерии, хотя некоторых аспектов функционирования Санкт-Петербургской артиллерийской школы мы уже касались в предыдущих наших работах [9; 10].

В 1745 г. начальником Санкт-Петербургской артиллерийской школы был назначен известный с петровских времен артиллерист генерал-лейтенант Виллим Иванович Де Генин, который имел отношение к этой школе еще с 1736 г. С этого года В. И. Де Генин стал осуществлять общий контроль над организацией учебного процесса в Санкт-Петербургской артиллерийской школе. Де Генин составил и вручил начальнику школы капитану И. Гинтеру «лекционную табель» [1, д. 767, л. 22] с указанием изучаемых предметов по классам и расписание занятий по дням и часам.

Судя по этому расписанию, с 1736 г. в артиллерийской школе ***стали изучать, кроме русского языка, арифметики, геометрии и артиллерии, еще и тригонометрию, геодезию, фортификацию, архитектуру, черчение и рисование, а также стали заниматься ружейной «экзерцицией».*** Военной экзерции (строевая выправка, движение строевым шагом и выполнение оружейных приемов) обучали всех артиллерийских учеников, а практическую стрельбу из ружей и пушек вели только ученики второго, т.е. чертежного отделения школы.

Генерал-фельдцейхмейстер князь Василий Никитич Репнин в первый же год своего руководства приказал обучать пушечной и ружейной экзерции «...всех артиллерийских служителей», а вместе с этим «...показывать артиллерийскую практику» и ученикам второго (чертежного) отделения Санкт-Петербургской артиллерийской школы [13, с. 61]. О значении, которое придавал В. А. Репнин этим практическим занятиям, говорит тот факт, что ученики артиллерийской школы, которые просили разрешения уехать в отпуск на лето, домой не отпускались, получая от Репнина ответ, чтобы они дождались зимы, так как летнее время было отведено на практические занятия. При проведении таких занятий требовались высокая организованность и пунктуальность. По истечении каждой недели необходимо было представлять генерал-фельдцейхмейстеру подробный журнал стрельбы с замечаниями, полученными учениками в ходе практических стрельб, который подписывался лицами, присутствующими при практическом обучении.

В журнале предписано было подробно отражать следующую информацию: 1) «Как исправно из пушки, мортиры и гаубицы, кто в цель попал»; 2) «Те пушки, мортиры и гаубицы какой эливацією стреляли и каким числом пороха и как далеко расстоянием брали»; 3) «Брать в примечание погоду, положение места, время дня, яко утра, полдня, вечера, жаркого время и влажного, студеного, и не будет ли разности в поносе, как в те времена, так и в начале пальбы, как еще орудие холодно, и когда станет разгораться и вовсе разгорится». Для проведения этих занятий канцелярия приказала отпустить в чертежную школу порох разных сортов по следующим нормам: а) на оружейную экзерцию по $\frac{3}{4}$ фунта пороха для каждого ученика; б) на пушечную – по 4,5 фунта пороха, на скорострельную – по $\frac{1}{2}$, на бомбардирование из мортир – по 6 фунтов 24 золотника мушкетного пороха, считая на каждого ученика по три выстрела из артиллерийских орудий [Там же]. Именно с этого времени было предписано каждое лето обучать школьников пушечной экзерции вместе с артиллерийским персоналом осадного полка.

Именно с момента назначения генерал-лейтенанта Де Генина начальником артиллерийской школы, кроме обычных классных занятий, в ней стали проводить и практические занятия, о которых мы уже говорили ранее. Кстати, Де Генин лично докладывал генерал-фельдцейхмейстеру В. А. Репнину о результатах практических занятий: «...по силе ордера Вашего сиятельства, артиллерии капитана Гинтера о обучении Санктпетербургской артиллерийской чертежной школы учеников пушечной, мортирной и гаубичной экзерциции, истреблением рекошей, журнал с примечаниями и чертеж я в получении имею вашему сиятельству оригинально при сем покорно приобщаю» [2, д. 573, л. 9]. В данном списке были отражены результаты обучения 20-ти учеников чертежной школы.

По состоянию на 1 мая 1746 г. в чертежной школе (2-е отделение артиллерийской школы – В. Б.) обучалось 24 ученика, двое из которых были присланы из полка осадной артиллерии (1 капрал и 1 бомбардир). Любопытно будет проанализировать социальный состав учеников чертежной школы и характеристики, данные некоторым из них учителями (см. Таблицу 1. Орфография документа сохранена – В. Б.) [Там же, д. 571, л. 15-23].

Таблица 1. Аттестация некоторых из учеников Санкт-Петербургской артиллерийской школы

Имена учеников	Вступление их в школу	Кто, что учит
Иван Жеребцов, дворянский сын, 22 лет, к науке понятность имеет.	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 24 апреля. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и ручному рисованию. Оной был отпущен в дом прошлого 744 года с 15 марта и явился сего 746 года 22 января.	Ныне обучается артиллерии.
Алексей Беляев, майорский сын, 19 лет, к науке понятность имеет среднюю.	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 6 мая. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и фортификации и ручному рисованию. Також пушечной, мортирной и оружейной	Ныне обучается артиллерии и фортификации.
Василий Козлянинов, лейб-гвардии Преображенского полка отставного каптенармуса сын, 19 лет, к науке понятность имеет	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1743 г. 11 мая. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и фортификации и ручному рисованию. Також пушечной, мортирной и оружейной экзерциции.	Ныне обучается артиллерии и фортификации.
Кузьма Мягкой, прапорщиков сын, 25 лет, к науке не гораздо понятен	Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1743 г. 21 марта. И с того числа обучил словесной грамоте, читать и писать, також пушечной, мортирной и ружейной экзерциции.	Ныне обучает арифметику.

Анализируя, чьи дети обучаются в чертежной школе, мы встречаем и такие записи: «...из города Гданьска солдатский сын», «слесарский сын», «канцеляристов сын» [Там же, л. 21 – 23 об.]. Из этого видно, что, хотя *Санкт-Петербургская чертежная школа* и создавалась для обучения в ней преимущественно дворянских и офицерских детей, но в ней учились дети практически всех сословий, за исключением крестьян.

Отметим тот факт, что дисциплина, качество и результаты обучения учеников Санкт-Петербургской артиллерийской школы были значительно лучше, чем в Санкт-Петербургской инженерной школе. По этому поводу Н. Л. Ломан пишет, что находившаяся в 1744 г. в Санкт-Петербурге от Главной канцелярии контора в своих претензиях к инженерной школе «...основывалась на примере Артиллерийской, и не только рекомендовала порядок, соблюдавшийся в ней, здешней Инженерной школе, но послала и в Московскую учителем помощника Гинтера для установления и там порядков Артиллерийской школы» [13, с. 68].

Другим подтверждением вышесказанному может послужить тот факт, что при изучении материалов архивных источников, касающихся личного состава Санкт-Петербургской артиллерийской и инженерной школ, мы нашли не так много источников, содержащих сведения о нарушении дисциплины школьниками артиллерийской школы [2, д. 811, л. 1-10]. А вот фактов нарушения дисциплины кадетами Сухопутного шляхетного кадетского корпуса и Санкт-Петербургской инженерной школы в архивных источниках мы нашли предостаточно [Там же, д. 675, 684, 709, 729 и др.]. Вот некоторые из них.

17 января 1747 г. генерал-фельдцейхмейстер князь В. А. Репнин по результатам рассмотрения доклада главной полицмейстерской канцелярии Санкт-Петербурга, присланного ему 16 января 1747 г., приказал «...инженерного корпуса ученику инженерной школы Науму Ростопчину... за пьянство, за необычайную езду на лошади ямщика Овсянникова без того ямщика (который остановился для того, чтобы поднять упавшую с головы Ростопчина шляпу – В. Б.), учинить ему Ростопчину наказание высечь при собрании других учеников розгами нещадно» [Там же, д. 829, л. 3]. 28 января 1747 г. Н. Ростопчин «...за пьянство и за необычайную езду на лошади... при собрании инженерной школы учеников был сечен розгами» [Там же, л. 4].

Другой ученик этой же школы Гаврила Худяков, бежавший из нее 23 января 1747 г., до 9 февраля 1747 г. скитался по улицам Санкт-Петербурга и просил милостыню для пропитания. А ночевал он под Семеновским мостом, где его и задержала полиция. Генерал-фельдцейхмейстером Репниным было приказано Г. Худякову «...за отлучку от школы... высечь розгами нещадно при собрании прочих школьников и определить по-прежнему в школу» [Там же, д. 832, л. 3].

Материалы другого архивного документа позволяют нам предположить, что ситуация с нарушениями дисциплины как во время учебных занятий, так и во внеучебное время была довольно распространенной. Например, в ведомости, составленной при 3-й роте Шляхетского кадетского корпуса «...с именами кадет которые когда именно и за какое преступление и каким штрафом были штрафованы...» указано, что «Кадет Петр Нинит в 1745 г. штрафован 1 раз за леность в классе фухтелем, в 1746 г. 2 раза за леность в классе фухтелем и еще как то один раз, в 1747 г. – 3 раза (самовольно вычеркнул себя из списка караульных, за то что будучи на карауле журнал читал, за резвость в классе); в 1749 г. – 1 раз за самовольное отлучение из корпуса (арест и фухтелем)» [17, д. 2233, л. 55].

Другой кадет Иван Лавров, начиная с 1743 г. и по 1749 г., подвергался 21 раз наказанию за те или иные дисциплинарные проступки. Например, в 1745 г. он наказывался 4 раза (за леность или резвость в классе или непотребные в классе разговоры – фухтелем), в 1746 г. – 2 раза (за леность в классе – фухтелем), в 1747 г. – 1 раз (за леность в классе арест и сидеть за штрафным столом), в 1748 г. – 3 раза (*за то, что был пьян – арест, за леность в классе – фухтелем, за непорядочные поступки – фухтелем*), в 1749 г. – 3 раза (за поносительство словами другого кадета – фухтелем, за самовольное отлучение из корпуса – фухтелем и арест) [Там же].

Согласно такой же ведомости, составленной при 2-й роте Шляхетского кадетского корпуса, список нарушителей дисциплины был несколько большим. В нем также указаны фамилии унтер-офицеров и кадет, которые когда именно и за что были наказаны. В этом списке особого внимания заслуживает *кадет Яков Нелюбов*, который имел следующие наказания за те или иные дисциплинарные проступки: «22 ноября 1743 г. за леность в классе – фухтелем, 2 июня 1744 г. за леность в классе – стояние за штрафным столом по три дня, 15 июня 1744 г. за резвость в классах – фухтелем, 30 июля 1744 г. за то, что будучи на карауле свою шляпу потерял – фухтелем, 6 октября 1744 г. за то, что бранил часового – фухтелем, 21 ноября 1744 г. за леность в классе – фухтелем, 7 августа 1745 г. за самовольное отлучение от квартир – арестом и фухтелем, 4 октября 1745 г. за резвость в классах – фухтелем, 7 октября 1745 г. за играние в квартире в карты – фухтелем, 4 января 1746 г. за небытие в классах – арестом и фухтелем, 21 мая 1746 г. за резвость в классах – фухтелем, 29 сентября 1746 г. за играние с кадетским хлопком в карты – фухтелем, 31 сентября 1746 г. за то, что у кадета Ханькова рубль денег украл – арестом и фухтелем, а сверх того для учинения ему дальнейшего штрафа и был отослан к его отцу с унтер-офицером от которого и сечен при прибытии унтер-офицера розгами, 10 ноября 1747 г. за самовольное отлучение от корпуса – фухтелем, 25 ноября 1748 г. за самовольное отлучение от корпуса в ночь – арестом, 14 марта 1749 г. за самовольное отлучение от корпуса и за небытие после зори при своей квартире – фухтелем, 30 марта 1749 г. за то, что после визитирования поручика дежурного, от корпуса отлучился – арестом и фухтелем, 13 мая 1749 г. за обольганье бывшего на дежурстве подпоручика Егора Панова – арест и фухтелем» [Там же, л. 56 – 57 об.].

Не отличались добропорядочностью и прилежанием и другие кадеты. Так, например, кадет Петр Нянинчев, зачисленный в Сухопутный шляхетный кадетский корпус 16 февраля 1745 г., из офицерских детей, отец которого служил во флоте капитаном, как видно из следственного дела, будучи при корпусе как единолично, так и совместно с другими своими товарищами-кадетами, совершал кражи из лавок на рынках, а именно: «4 куницы из которых две он продал кадету Алексею Дементьеву за 1 рубль, а прочие две на рынке. Одну медную кастрюлю из желанья ради, которую и продал оного корпуса цырюльнику Андрею Погорельскому за 70 копеек. С товарищами (с кадетами Карлом Бахбарашиным, Кристианом Гиленшмидтом, Иваном Лавровым и др.) совершил еще 21 кражу, как на рынке так и у своих товарищей» [Там же, л. 62].

В заключение отметим, что успешной организации учебно-воспитательного процесса в Санкт-Петербургской артиллерийской школе в конце первой половины XVIII столетия в первую очередь способствовали хороший уровень личной подготовки и добросовестное исполнение своих служебных и функциональных обязанностей учителями артиллерийской школы. И капитан И. Гинтер, и подпоручик М. Г. Мартынов, назначенный в начале 40-х гг. XVIII в. после капитана И. Гинтера начальником Санкт-Петербургской артиллерийской школы [1, д. 735, л. 2-3], пользовались среди учеников и у вышестоящего руководства большим авторитетом и уважением, обладая высоким уровнем образованности и знаний в артиллерийской науке. Кстати, заметим, что М. Г. Мартынов был воспитанником Санкт-Петербургской артиллерийской школы.

Почет и уважение они, ко всему прочему, заслужили своей исключительной добросовестностью при выполнении обязанностей учителей этой школы. Подтверждением служит мнение о Гинтере, приведенное Даниловым в своих «Записках» [12]: «...Гинтер был прилежный, тихий и в тогдашнее время первый знанием своим, который всю артиллерию привел в хорошую препорцию» [Там же, с. 40].

Признавая достоинства и заслуги капитана И. Гинтера и подпоручика М. Мартынова и доверяя им, Канцелярия главной артиллерии и фортификации предоставляла возможность им самим искать новых учителей для школы и проверять у них знания [13, с. 69]. Учителями в артиллерийскую школу назначались лучшие ученики этой же школы, с отличием окончившие в ней обучение. Для мотивации учителей к добросовестному выполнению своих обязанностей канцелярия поощряла их за успешное обучение школьников, в зависимости от успехов учеников. Такое поощрение, как, например, «повышение в чине», применялось без лишней волокиты и задержек. Каждый новый учитель, пришедший на вакантное место учителя артиллерийской школы, стремился отличиться и добросовестно выполнять свои обязанности, зная о том, что за усердие и старание его ждет определенное повышение в чине.

Список литературы

1. **Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи** (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. Арсенальная.
2. **Архив ВИМАИВ и ВС**. Ф. 2. Оп. ШГФ (штаб-генерал-фельдцейхмейстера).
3. **Бенда В. Н.** Артиллерийское и инженерное дело при генерал-фельдцейхмейстере принце Людвиге Гессен-Гомбургском (1735-1745) // КЛИО: журнал для ученых. 2014. № 11 (95). С. 113-125.
4. **Бенда В. Н.** Вклад военно-специальных артиллерийских и инженерных школ в укрепление обороноспособности России в первой половине XVIII столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 25-29.
5. **Бенда В. Н.** Военно-специальные школы России в первой половине XVIII в.: монография. Saarbrücken: LAP, 2011. 317 с.

6. **Бенда В. Н.** Восстановление деятельности Московской военно-инженерной школы в конце первой половины XVIII в. // КЛИО: журнал для ученых. 2014. № 4 (88). С. 50-53.
7. **Бенда В. Н.** Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке: монография. СПб.: ГУАП, 2009. 158 с.
8. **Бенда В. Н.** Деятельность Санкт-Петербургской инженерной школы с момента образования и до 1758 г. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия «История». 2009. № 2. С. 56-69.
9. **Бенда В. Н.** Краткий анализ особенностей учебных планов и программ подготовки военных кадров в военно-специальных школах и кадетских корпусах XVIII в. // Научная сессия ГУАП: сб. докл.: в 3-х ч. СПб., 2008. Ч. III. Гуманитарные науки. С. 19-29.
10. **Бенда В. Н.** Организация и деятельность первых артиллерийских школ в России на рубеже XVII-XVIII веков // КЛИО: журнал для ученых. 2004. № 3 (26). С. 203-208.
11. **Висковатов А. В.** Краткая история первого кадетского корпуса. СПб.: Военная типография Главного штаба, 1832. 113 с.
12. **Данилов М. В.** Записки М. В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 г. (1722-1762). Казань: Электрическая типография Л. П. Антонова, 1913. 83 с.
13. **Ломан Н. Л.** Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб.: Тип-я Тов-а «Обществ. Польза», 1862. 201 с.
14. **Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г.** СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. С 1744 по 1748 гг. 961 с.
15. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 248. Оп. 7.
16. **РГАДА.** Ф. 248. Оп. 8.
17. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 314. Оп. 1.
18. **РГВИА.** Ф. 826. Оп. 2.
19. **Савельев А. И.** Исторический очерк инженерного управления в России. СПб.: Типография Р. Голике, 1879. Ч. I. 324 с.

ON CONTRIBUTION OF THE RUSSIAN MILITARY-EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN DEVELOPMENT OF ARTILLERY AND ENGINEERING SCIENCE AT THE END OF THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

Benda Vladimir Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Pushkin Leningrad State University
bvn.1962@mail.ru

The article analyzes the organization of educational process in special military artillery and engineering schools, as well as in the Land Szlachta Cadet Corps in Russia at the end of the first half of the XVIII century that were under the common control of General Feldzeugmeister V. A. Repnin. The author pays particular attention to the role of the aforementioned military schools in providing the Russian army with skilled artillery and engineering personnel, who had solid theoretical grounding in the field of artillery and engineering science. Also previously unpublished archival sources are introduced into scientific circulation.

Key words and phrases: the first half of the XVIII century; artillery and engineering science; artillery and engineering personnel; military schools; educational process; social composition of military-educational schools; General Feldzeugmeister V. A. Repnin.

УДК 33; 331.101.3

Экономические науки

Статья затрагивает актуальную проблему, в основе которой лежит недостаточное акцентирование внимания российского менеджера на индивидуальных психологических качествах работника и его трудовых мотивах. На основе проведенного анализа автор дает рекомендации по осуществлению эффективной политики найма с учетом индивидуальных психологических черт личности и выдвигает ряд предложений, которые направлены на усиление или ослабление тех или иных мотивов сотрудника в зависимости от целей организации.

Ключевые слова и фразы: управление персоналом; привлечение работников; мотивация; удержание работников; темперамент; характер; проблемы современного менеджмента.

Бывалина Дарья Сергеевна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
bivalina.d@mail.ru

УЧЕТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И МОТИВОВ ПЕРСОНАЛА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУРЫ КАДРОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ В ОРГАНИЗАЦИЮ[©]

В современных организациях менеджер по персоналу уделяет пристальное внимание процедуре подбора кадров. Грамотный подбор кандидатов на вакантную должность свидетельствует о высокой эффективности организации в области проведения кадровой политики, а также о компетентности самого менеджера.